

Оклеветанный император

В Русской исторической и художественной литературе считалось признаком хорошего тона придерживаться мнения, будто четырехлетнее царствование Императора Павла Петровича не представляло собой ничего другого, как ряд нелепых поступков и фантастических распоряжений, продиктованных большой психикой этого Государя. Даже его трагическая кончина, от рук пьяных убийц, почиталась Русским обществом, как неприятный, но необходимый акт, совершенный группой патриотов, освободивших им Россию от власти тирана. Эта заведомая неправда обуславливалась причинами двойного свойства.

С одной стороны, она опиралась на неосведомленность общества, ввиду запрещения касаться архивов павловского времени, которое таким образом находилось под цензурным запретом. Эту неосведомленность отнюдь не рассеял труд генерала Шильдера (Н. К. Шильдер, "Император Павел I"), почитавшийся официально-классическим для характеристики Павла, так как, будучи написан по желанию правительства, он очень далеко от объективности и носит на себе несомненные черты того, что ныне именуется "социальным заказом". Что же касается цензурного запрещения архивов павловской эпохи, то таковые основывались на ложных соображениях монархического престижа, который будто бы не позволял осведомить общественное мнение о том, что один из государей царствовавшей династии был убит своими подданными.

Что же касается другой стороны той же неправды и клеветы на Императора Павла, в области художественной литературы, то таковая, до 1907 года, руководствовалась главным образом задачей дискредитировать идею монархии вообще, и потому, шедшая сверху, тенденция замолчать Павла, как нельзя более, развязывала руки тем представителям Русской литературы, которые старались облить грязью собственное прошлое. Не приходится поэтому удивляться тому факту, что как официальная история, так и литература, в своих работах об эпохе и личности Императора Павла базировалась на воспоминаниях и записках исключительно таких современников, как граф Пален, граф Панин, граф Воронцов, Уитворт, Беннгсен, Ланжерон и фон-Визин, т. е. людей, которые прямо участвовали в царевубийстве, были причастны к заговору или имели причины быть недовольным Императором Павлом и его политикой.

История Европы не знает другого примера того, чтобы Государь, имевший благородный характер и преисполненный самых благих намерений, был бы так позаслуженно и низко оклеветан современниками и историей, как это случилось с Императором Павлом. Трагический конец этого Государя, являвшийся результатом государственной измены и оплаченный иностранными деньгами, останется навеки одной из позорнейших страниц Русского прошлого. Люди, осыпанные милостями и благодетельствованные Павлом, ставшие во главе заговора, при совершении ими пре-

ступления руководствовались столь низкими побуждениями, что не имеют и не могут иметь никакого оправдания ни перед Богом, ни перед людьми, не говоря уже о собственной совести...

Судьба поставила Императора Павла во главу России в тот трудный, переходный момент, когда наша родина выходила из своего полу-азиатского прошлого на широкую европейскую дорогу прогресса и культуры.

Императрица Екатерина II вступила на Русский Престол, не имея на него и тени права, исключительно по путем насилия, в обход законных наследников. На трон ее посадило дворянство в лице кучки шальных гвардейцев, и все свое царствование Екатерина, создавая это, была дворянской царицей, управляла Россией исключительно в интересах этого одного сословия. Она уничтожила управление государством через выборных людей всех сословий, отдав в руки дворян весь административный аппарат России.

Управление дворян-чиновников внесло в государственный аппарат произвол, от которого страдало население. Своим законодательством Екатерина расширила дворянские привилегии, усилила крепостное право и поставила крестьянство в гораздо худшее положение, чем оно жило до нее. Власть помещиков, в ее царствование, распространилась на личность и труд крестьянина, на которого от екатерининского времени установился взгляд, как на частную собственность помещика, его "крещеную сестринку".

Пугачевщина, вспыхнувшая в середине царствования Екатерины и чуть не погубившая государство, являлась стихийным протестом против созданного этой Государыней рабства. Хотя движение Пугачева захватило только восточную Россию, не подлежит сомнению, что ему сочувствовала вся крестьянская масса целиком.

К моменту воцарения Павла, таким образом, назревал вопрос об облегчении положения крестьян. Решительных реформ требовала жизнь и в других областях, в особенности в армии, которая нуждалась в коренной реорганизации. После дворцового переворота, совершенного лейб-компанией, эта последняя получила такие права и привилегии, что населению столицы приходилось много терпеть от самоуправства гвардейцев, не признававших над собой никакой власти. Гвардия, начиная с этого времени и вплоть до смерти Императрицы Екатерины II, постепенно до того разбаловалась и развратилась, что, вообще, перестала походить на военную организацию, т. к. гвардейские офицеры совершенно забросили службу и предпочитали носить вместо мундира штатское платье, украшая себя при этом дамскими принадлежностями туалета, как кружева и даже муфты.

В 1742 году, чтобы хоть немного привести в порядок гвардейские полки, стоявшие в СПб, и поднять среди них совершенно пошатнувшуюся дисциплину, гвардия, по совету Шувалова, была отправлена на Кю-

торое время в Финляндию. При Екатерине положение дел в гвардии стало еще хуже. Офицерство совершенно перестало интересоваться службой и зажило частной жизнью, ничего общего не имевшей с военным обиходом. Этому способствовало и то обстоятельство, что по новым правилам, введенным Екатериной, дворянских детей записывали в гвардейские полки с рождения, так что они, сидя по домам, получали чины, и часто выходили в отставку, не видав в глаза полка, где они числились офицерами. Вся тяжесть службы ложилась таким образом на плечи солдат и унтер-офицеров — дворян, в то время как даже состоявшие налицо в полках офицеры занимались чем угодно, кроме службы.

Беря пример с гвардии, постепенно распустилась и армия, в которую офицеры гвардии переходили сразу на штаб-офицерские вакансии. Австрийский военный агент капитан Парадиз в своих воспоминаниях о степном походе 1736 года рассказывает о том, что Русская армия этого времени была до того обременена обзовами, что из-за этого была совершенно лишена возможности маневрировать и передвигаться. «Были, — говорит он, — в армии такие майоры, которые имели в обозе до 30 телег со всевозможными удобствами, и сержанты из дворян, тащившие с собой в поход караван из 15 фургонов. Драгуны до такой степени навьючивали коней всевозможной поклажей, что скорее напоминали собой вьючный транспорт, почему за кавалерию их и почитать было нельзя».

Все это сходило с рук в царствование Императрицы Екатерины, так как ей не приходилось сталкиваться с европейским противником, но дальше это продолжаться так не могло. В Европе назревали события, которые, несомненно, должны были затянуть в свой водоворот и Россию.

Помимо беспорядков в военном ведомстве, последние годы царствования Екатерины были вообще периодом общего экономического и административного развала во всех областях. Злоупотребления коснулись как самого Двора, так и всей высшей и низшей администрации и управления.

Живя в принудительном отчуждении в Гатчине, вдали от всяких государственных дел, Наследник Павел Петрович был, однако, прекрасно осведомлен о всех отрицательных сторонах правления его матери и заранее подготавливал те реформы, которые, по его мнению, назрели и были необходимы в России. Руководящей мыслью Павла было, как ныне уже установлено историей, уничтожение сословных привилегий и водворение правды и законности в государстве. Этому не отрицают даже люди, относившиеся отрицательно к личности Императора Павла, как уже вышеупомянутый Шильдер. («Император Павел I», стр. 327 и 338). Другими реформами, задуманными Павлом в Гатчине, являлись: закон о престолонаследии, облегчение быта крепостных крестьян, борьба с революционными идеями, идущими с Запада, и реформа армии.

Этот последний вопрос особенно занимал Павла в его гатчинском изгнании. Как в свое время молодой Петр в селе Пресображенском, Павел, еще будучи за-

свидником, приступил к организации и обучению кадров будущей реформированной армии, создав в Гатчине несколько образцовых строевых полков.

Екатерининская гвардия, как и стрельцы деспетровской Руси, была придворным войском, превратившим свое привилегированное положение в угрозу трону. Это была военная сила, которую было необходимо сломить такой же силой. Последней, по мысли Павла, должны были стать его гатчинские полки. Им пришлось сыграть ту же роль, что и «потешным» молодого Петра.

«Гвардию нахожу весьма великой и весьма неспособной ко всякому делу, не говоря о прочих ее неудобствах, которые каждый чувствует, но не станет о сем говорить», гласит собственноручная записка Павла, относящаяся к этому периоду.

Как и Император Петр, Император Павел заимствовал новый воинский устав и порядок обучения войск с Запада. Европа середины и конца XVIII века единодушно преклонялась перед военным гением Императора Фридриха, доведшего обучение своих войск до степени совершенства. По его образцу и примеру Цесаревич Павел Петрович стал обучать и свои гатчинские полки. Великие Князья Александр и Константин Павловичи также целиком прошли строевую школу своего отца.

10 ноября 1796 года, через четыре дня после вступления на престол Императора Павла, гатчинские полки походным порядком пришли в столицу, где были встречены Императором и Великими Князьями. В тот же день офицеры и сержанты были распределены по полкам гвардии, в качестве инструкторов нового воинского устава. Гвардейским офицерством реорганизация армии была встречена с большой неприязнью и возмущением. Энгельгардт, в своих воспоминаниях, пишет об этом событии так: «Дико было видеть гатчинцев рядом с нашими гвардейскими офицерами. Все мы, в отличие от них, были более придворными, нежели военными людьми, тогда как они ничего, кроме фронта и служб, не знали и знать не хотели. При Императрице мы думали не о службе, а только о том, чтобы ездить в общество, на театры, ходить во фраках; теперь же нам пришлось, с утра до вечера, быть на полковом дворе, где нас обучали, как рекрут».

Эти строки дают совершенно ясную картину того, как привыкшие при Екатерине к безделью гвардейцы, не понимая своего положения трутней, возмущались требованием Императора от них военной службы, чему они были, однако, обязаны самим званием офицера. Гатчинцы же, так гвардейцами презираемые, эту службу прекрасно знали. Ярким тому примером может служить «гатчинский капрал Аракчеев», по сей день считающийся творцом Русской артиллерии.

Знали службу и оба Великие Князя, сыновья Павла, и прекрасно понимали все значение военной реформы отца. Лучшим доказательством этого служит то, что при своем вступлении на престол Император Александр Павлович целиком сохранил в армии доктрину, уклад жизни и систему обучения войск своего отца, изменив лишь несколько форму обмундирования.

Жизнь целиком оправдала “гатчинскую реформу”, так как не сохрани ее Император Александр в Русской армии, не выдать бы нам ни победы над Наполеоном, ни той славы, которую приобрело Русское оружие в Отечественную войну. Без Гатчины — не было бы и Парижа...

Только благодаря Павлу и его реформам в армии Русские войска сумели с честью выдержать удар лучших в Европе войск Наполеона и одержать над ними победу.

Одновременно со введением нового устава, Павел отменил и прежний порядок службы дворянства. Каждый молодой дворянин был обязан начинать свою службу в строю и на практике проходить всю военную и строевую науку. “Вместо распущенной и жирной масленицы, — говорит один из современников, — для военно-дворянской аристократии начался суровый пост”.

Павел, умышленно строгим отношением к службе, желал добиться того, чтобы люди, которые носили военный мундир из тщеславия, но не желали нести связанные с ним обязанности, покинули ряды армии. Гауптвакты столицы и провинции наполнились с первых дней нового царствования арестованными офицерами, виновными в нерадении и служебных упущениях. Меры эти скоро себя полностью оправдали: все лишнее для армии поспешило покинуть ее ряды.

Уже при жизни Императора Павла Русская армия стала тем, чем она и должна была быть; суворовские победы были наградой ему за труды. Нападки современников и историков на Павла за его увлечение “шагистикой” и мелочами формы и строя не заслуживают серьезного внимания. Они являются точкой зрения штатских критиков, не имеющих понятия о военной службе, всякий же строевой офицер знает, что форма одежды и выправка являются основой всякой строевой части и показателем ее воинского духа. Чье Русское сердце не билось любовью и гордостью за Россию на майских парадах в Петербурге? Какой англичанин современной демократической и полу-социалистической Англии не гордится великолепной выправкой гвардейских гренадер на смотрах перед Сен-Джемским дворцом? А ведь это именно “шагистика”, и только “шагистика”...

Ненавистники славного прошлого нашего Отечества выставляют козырем против военных реформ Императора Павла авторитет фельдмаршала Суворова, критикованного “гатчинские пововедения”. Аргумент этот мало доказателен, так как, в царствование Императора Павла, Суворов кончал седьмой десяток лет и ему, как всякому старику, были не по душе какие бы то ни было нововведения, к которым надо было привыкать. Кроме того, Суворов в вопросах формы и военного приличия авторитетом вряд ли может быть признан, ибо, как известно, отличался всегда подчеркнутой небрежностью в одежде. Так, он не стеснялся появляться перед войсками в одном белье, а у себя в ставке даже перед иностранными генералами и совсем в голом виде. О дисциплине и субординации старший фельдмаршал, истинный представитель екатери-

нинского времени, также имел весьма оригинальные понятия, что и доказал на парадах, куда его приглашал Император Павел.

“Фельдмаршал, — говорит его биограф (А. Петрушевский, “Генералиссимус князь Суворов”, стр. 390-391), — проявлял умышленное невнимание к параду, отворачивался от проходивших мимо него взводов, выходя из кареты сделал вид, что споткнулся о собственную шпагу, которая будто бы ему мешала пройти дверцу кареты. Вертел в руках шляпу нового образца, делая вид, что не знает, что с ней делать, и кончил тем, что уронил ее к ногам сумрачно на него смотревшего Императора. Не довольствуясь этой комедией, Суворов громко крикнув: “Не могу больше... брюхо болит...”, уехал до конца парада, не стесняясь присутствием Императора”. Государь сдержал себя, выказав, по отношению фельдмаршала, в этот день, необыкновенную сдержанность и снисходительность”.

Не довольствуясь всем этим, фельдмаршал заявил Императору, что “раз пет войны — ему нечего делать в армии”, чем, наконец, вывел из себя Павла, который и уволил Суворова в отставку.

Пусть каждый читатель этих строк, бывший на военной службе, ответит по чистой совести: где и когда какой бы то ни было генерал мог бы позволить себе подобное поведение в отношении своего Государя и не вылететь со службы?.. Между тем, Император Павел не только искренне простил Суворову подобное оскорбление, но, ценя военный гений фельдмаршала, награждал его к концу жизни так, как ни один Государь на свете не награждал своего подданного.

Одновременно с реорганизацией армии, Павел привнес в жизнь и другие мероприятия, необходимые в России. 5 апреля 1797 года им был опубликован чрезвычайно важный закон о Престолонаследии. Закон этот устранил прежний произвол в назначении Наследника Престола, произвол, господствовавший в России со времени Петра Великого, благодаря которому было столько смут и дворцовых переворотов в XVIII-м веке. Новый закон внес строгий порядок в наследовании Престола, оставшийся в силе до наших дней.

С первых дней своего царствования, Павел приказал устроить, у наружного окна своих покоев, особый ящик, в который каждый мог опустить прошения или жалобы, которые Император лично рассматривал, благодаря чему были устранены многие несправедливости.

Говоря о характере Императора Павла, Саблуков в своих воспоминаниях (Саблуков, “Воспоминания о царствовании Императора Павла”) пишет: “Государь в своих поступках проявлял необыкновенную доброту ко всем маленьким людям. В нем было глубокое чувство справедливости и стремление бороться с несправедливостью и неправдой. На престоле он не желал быть только государем высшего класса, как была его мать, он хотел одинаково добра всем сословиям своего государства, над которым, как он твердо верил, его поставил сам Господь”.

Павел до глубины души возмущался ужасами террора, сопровождавшего французскую революцию, и пре-

красно понимал причины, эту революцию вызвавшие. Поэтому, еще будучи Наследником, он мечтал улучшить положение низших классов в России и сократить привилегии высших. Взойдя на Престол, он немедленно стал проводить эти идеи в жизнь. 5 апреля 1797 года Императорским Указом он значительно облегчил положение крепостных крестьян, воспретив помещикам принуждать их к работе в воскресные дни и употреблять на барщину больше трех дней в неделю. Вместе с этим указом появились и другие распоряжения, облегчавшие быт крепостных крестьян.

Депеша шведского посла при Павле, Стэдингга, человека совершенно незаинтересованного и поэтому объективного, к шведскому королю, за все царствование Павла, были полны похвал его реформам. "Государь, — писал Стэдингг, — имеет множество достоинств и держит себя непринужденно с лицами низших классов, проявляя к ним самое большое доброжелательство. Все меры, принятые Императором Павлом для установления закона и порядка в государстве, вызывают недовольство в высших кругах дворянства и гвардии, но зато привлекают к Павлу сердца его подданных из народа, своей щедростью, справедливостью и любовью к порядку. Внушая страх к высшим, Император тем самым защищает народ от несправедливости, под бременем которой он изнывал прежде"...

Лубяновский, приехавший в Петербург на третий день царствования Павла, пишет в своих воспоминаниях: "Царь за работой с ранней зари, с шести утра, и все остальные, волей или неволей, принуждены жить примером Государя. В канцеляриях, на полковых дворах, в департаментах, в коллегиях, везде в столице горят огни с пяти часов утра. Сенаторы с восьми уже принуждены сидеть за красным столом. Возрождение по военной части было явственнее и началось с го-

ловы: требование Государя к генералам и офицерам оставить прежнюю распущенность и приняться за дело, — было известно во всех классах населения".

Граф Ланжерон, со своей стороны, упоминает, что солдаты и простой народ обожали Павла. "Кары Императора были направлены на распущенное гвардейское офицерство и дворянство, солдатам же при нем жилось гораздо лучше прежнего, их хорошо содержали, кормили и одевали. Все злоупотребления, от которых прежде так страдали войска, были выведены с корнем". (Граф Ланжерон, "Воспоминания о смерти Императора Павла I").

Требую от своих подданных работы, порядка и законности, Император Павел I объявил одновременно с тем борьбу против роскоши, развившейся в высших кругах общества в царствование его матери. С этой целью он издал особые правила, касающиеся жизни дворян и чиновников. Для каждого дворянина, согласно его чину, было определено не только число лошадей для экипажа, но также и число блюд за обедом. Павел отнюдь не хотел унижить дворянское звание; наоборот, он хотел, чтобы оно стояло выше других сословий, но не благодаря сословным привилегиям, а своим высоким понятием о чести и доблести. Так, 3 января 1797 г. им был издан указ, согласно которому "телесное наказание не должно коснуться благородного", однако, с оговоркой, что дворянин, совершивший преступление, лишается чести и дворянства и подлежит общему закону о наказаниях. Этот принцип был до революции принят в Российском законодательстве, которое предвидело "лишение прав состояния" при известных преступлениях.

Анатолий Марков
(Окончание следует)

Оклеветанный император

(Окончание)

Принимая на себя звание Магистра Мальтийского Ордена, Павел лелеял мысль объединить в этом Ордене все европейское дворянство, для развития в нем рыцарских принципов борьбы с революционными идеями и для защиты монархии.

Проводя в жизнь идею постепенного уравнивания сословий, Павел издал указ о награждении духовенства, наравне с дворянством и чиновниками, и лично повесил на шею митрополита Платона цепь высшего Российского Ордена Св. Андрея Первозванного. Признавая за крестьянами гражданские права, как и за другими сословиями, Павел приказал приводить их к присяге наравне с другими.

Будучи человеком весьма религиозным и считая себя главой Российской Православной Церкви, Император Павел был истинным благодетелем для духовенства, значение которого в государстве он ставил очень высоко. Заботясь о развитии духовно-учебных заведений, он, за четыре года своего царствования, открыл 8 семинарий и две духовные академии.

Считая воспитание, даваемое в своих школах незуитами, лучшим средством борьбы с революционной заразой, он не только разрешил им открыть свои коллегии в России, но и был в личной дружбе с аббатом Грюбером — главой иезуитской миссии в России, ум и широкое образование которого очень ценил.

Павел, первый из русских государей, изменил отношение к старообрядцам, справедливо считая их верными сынами России и хранителями родной старины. Этим, он положил начало сближению старообрядцев с государственной церковью, путем создания т. н. единоверческого толка.

Учитывая, что русское юношество, находясь в заграничных университетах, рискует набраться в них антигосударственных идей, Павел основал университет в Дерпте (Юрьеве), который до самой революции 1917 г. считался одним из лучших в России.

В области отечественной торговли и промышленности, Павлом были приняты важные мероприятия: при нем были проведены каналы Огинский, соединяющий бассейны Днестра и Немана и Ильменский и заложены: Сияльский и Маринский. В Крыму было учреждено по его приказу порто-франко, что очень благоприятно отразилось на развитии всей южной России.

Строгое преследование Императором Павлом французских мод в России, которое, недоброжелательными к нему историками, признается за доказательство ненормальности этого государя, являлось в действительности вполне логичным следствием политического кредо, выработанного Павлом до вступления на престол. Его политика была — противиться всеми мерами неистовствам французской революции, угрожающей Европе истреблением закона, права и благонравия, и противостоять всячески против богомерзкого

правления республики. Французские же моды, принятые в России в конце царствования Екатерины, шли от сакюлотов-якобинцев и несомненно являлись своего рода вывеской революционного духа тех, кто их носил. Таким образом, не было ничего ненормального в указе Павла против круглых шляп, фраков с торчавшими воротниками и жилетов “а ла Робеспьер”.

Лучшим средством для борьбы с революционными идеями, Павел считал самодержавие, реформы сверху, равенство всех перед законом и его первоисточником — императором. Он это картинно выразил в известном своем ответе на вопрос: “существует ли в России аристократия”? — “В России, — сказал Павел, — аристократ тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю...”

Рыцарский характер и великодушие Павла лучше всего выразились в его благородном отношении к тем людям, которые когда-то доставили ему много тяжелых минут в царствование Екатерины. Ни Платон Зубов, издававшийся над Павлом, когда последний был наследником, ни Алексей Орлов, убийца его отца, не подверглись никакому наказанию. Больше того, когда, после смерти Екатерины, Зубов должен был покинуть дворец, то, по приказанию Павла, для него был куплен и заново обставлен дом в СПб, в который к нему на новоселье приехал император в сопровождении императрицы.

Незаконного сына Екатерины от Орлова — Алексея Григорьевича Бобринского, при жизни матери пребывавшего в черном теле где-то в провинции, Павел, вступив на престол, немедленно вызвал в СПб, публично признал его своим братом, пожаловал ему графское достоинство, чин генерал-майора и шефство в Конной Гвардии. П. В. Завадскому, бывшему фавориту матери, Павел “в забвение прошлого” пожаловал также графское достоинство.

Не менее рыцарски поступил Павел с заключенными в тюрьмы при Екатерине участниками польского восстания. 16-го ноября 1796 г. Император лично навестил в его заключение вождя польского восстания Костюшко и объявил ему, что, с этого момента, он и все другие польские пленные свободны. Павел при этом снял с себя собственную шпагу и повесил ее на Костюшко со словами: “Такой храбрый воин не должен быть без оружия”. Этот великодушный поступок так тронул заключенного, что он поцеловал царскую шпагу и поклялся, в благодарность за великодушие русского императора, никогда не обнажать ее против России. Свою клятву Костюшко честно сдержал и не принял впоследствии участия в военных действиях поляков против России ни в 1806 г., ни в кампании 1812 г.

Александр Радищев и Новиков, мысли которых разделял сам Павел, были им освобождены из заключения и ссылки в первые же дни его царство-

вания, равно как и Иван Лопухин, московский массон, произведенный в тайные советники и назначенный сенатором.

В своей внешней политике, Павел был также последователен, как и в своих внутренних реформах. Как первая, так и вторые были направлены исключительно во благо России.

Пока во Франции царил террор, анархия и насилие, Павел относился к ней, как к врагу, с которым необходима самая решительная борьба. Для этого он не только вошел в союз с Англией и Австрией против французского республиканского правительства, но и помог Питту создать коалицию против Франции путем привлечения к союзу Сардинского короля и Греции. Одновременно с тем он заключил очень выгодный для России договор с Турцией, по которому русский флот получил право свободного прохода через проливы.

Выполняя свои обязательства в отношении союзников, Павел послал русские войска в Италию, Швейцарию и Голландию. Убедившись, однако, что Австрия изменила союзу, благодаря чему корпус Римско-Корсакова потерпел поражение, а Англия не выполнила своих обязательств по отношению России, в Голландии, Павел вышел из коалиции против Франции.

Окончательной причиной разрыва с Англией послужило поведение англичан в вопросе об о. Мальте, что особенно возмутило Павла, всегда выполнявшего данное им слово и требовавшего того-же самого от своих союзников.

Когда, в 1798 г., Наполеон, по дороге в Египет, занял Мальту, то император Павел, по ходатайству мальтийских рыцарей принял на себя звание Великого Магистра этого Ордена. От решения Императора в особенный восторг пришел английский посланник в СПб, лорд Уитворд, написавший своему приятелю С. Р. Воронцову в Лондон, что: "акт императора Павла в деле об о. Мальте показывает благородное достоинство в характере императора, поддерживающего и уважающего древнее установление, за что ему благодарна вся Европа, и в особенности Англия".

Это, однако, не помешало тому, что в 1800 г. англичане, в свою очередь, заняли Мальту и вероломно нарушили договор в Амьене, отказавшись вернуть остров обратно Мальтийскому Ордену. Возмущенный и оскорбленный Павел немедленно выслал из СПб английского посланника и наложил эмбарго на все английские суда, стоящие в русских портах.

Это событие совпало с тем, что Бонапарт, в качестве первого консула, привел в порядок Францию и стал искать сближения с Россией, чтобы в лице императора Павла приобрести могущественного союзника против Англии. Намерения первого консула согласовались как нельзя лучше с теми враждебными чувствами и негодованием против английского вероломства, которые волновали в эту пору Павла, по-

чему и были встречены с его стороны полным сочувствием.

Наполеон, кроме того, умел тронуть рыцарское сердце русского императора тем, что освободил всех русских пленных без обмена, снабдив их для возвращения на родину всеми необходимыми средствами.

С этого момента, военный союз между Россией и Францией сделался вопросом ближайшего будущего и, одновременно с тем, гроза собралась над головой Павла.

В Англии хорошо понимали, что подобный союз угрожает не только будущему, но и самому существованию Британского Королевства, и в Лондоне было решено во что бы то ни стало лишить Павла трона. Исполнение этого проефта было поручено высланному из СПб английскому посланнику, лорду Уинсворту, имевшему в русской столице обширные связи и знакомства.

Было решено воспользоваться недовольством гвардии и представителей дворянства против Павла и организовать царевубийство путем дворцового переворота. Главными проводниками этого плана в СПб и агентами Уинсворга стала семья Зубовых, состоявшая из трех братьев: Платона, Валерьяна и Николая и их сестры, в замужестве г-жи Жеребцовой — любовницы Уинсворта. Через эту последнюю, проживавшую то в СПб, то за границей, заговорщики получали из Англии инструкции и деньги. В ее же доме собирались и главаря заговора, которые все так или иначе были связаны с семьей Зубовых и являлись при Екатерине ставленниками Платона.

Граф Пален, официальный руководитель и организатор царевубийства, был давним клеветником Зубова при Екатерине и был уволен в отставку Павлом, в начале его царствования. При этом, он получил от императора письмо, с весьма заслуженной характеристикой: "Г. генерал-лейтенант Пален, — писал ему император, — с удовольствием уведомился я обо всех подлостях, оказанных вами князю Зубову, и делаю из сего еродное, о свойстве вашем, заключение". К несчастью, подлости Палена скоро были прощены, не помнящим зла императором, что дорого обошлось великодушному Павлу. Генерал Беннигсен — уроженец Ганновера, лично руководивший царевубийством, был также не только ставленником Зубова, но и, несомненно, английским агентом в России, за что Павел его и уволил в отставку, незадолго до своей смерти. Беннигсена, как человека посвященного в истинные цели заговора, Пален поставил во главе убийц, которые являлись просто пьяными негодьями, принятыми в число заговорщиков для выполнения грязной работы.

По несчастному стечению обстоятельств, люди окружавшие императора Павла в момент заговора, совершенно не заслуживали ни его доверия, ни тех милостей, которыми он их осыпал. Так обер-прокурор сената Обольянинов, которому Павел имел право особенно доверять, не только оказался в числе заговор-

щиков, но даже предоставил им свой дом для собраний.

Любовница императора Павла — княгиня Гагарина, урожденная Лопухина, семью которой император осыпал милостями, не только знала о заговоре, но и о точном дне царевубийства.

Ростопчин, руководивший при Павле всей внешней политикой, был эгоист и отличался крайним неблагодарством характера. Кутайсов и Нарышкин, в личных интересах, пагубно влияли на душевное спокойствие императора. Вообще, большинство высших сановников России того времени являлись себялюбцами, думавшими только о собственных интересах и меньше всего о России. Образцами этого типа людей являлись при Павле два наиболее видных русских дипломата, а именно: С. Р. Воронцов в Лондоне и князь Андрей Разумовский, в Вене.

Первый, будучи представителем русских интересов в Англии, больше защищал интересы английской политики, нежели той страны, которую он имел незаслуженную честь представлять. Он находил в порядке вещей критиковать, в перениске с Уинсвордом, собственного императора и его политику. Когда Павел вызвал Воронцова в Россию, чтобы предоставить ему новый видный пост, этот “просвещенный европеец”, каким его рисует пристрастная история, отказался вернуться на родину, т. к. Англия ему была ближе и понятнее.

Что касается Андрея Разумовского, то этот сын малороссийского землероба, которого Павел возвел в светлейшие князья, долго живя за границей, превратился в совершенного иностранца, забыл русский язык, принял католичество и до смерти остался в Европе, где ныне его потомство — австрийские подданные.

Вероломство графа Палена, в отношении императора Павла, и его черная неблагодарность останутся навсегда непреодолеваемыми в истории человеческого предательства. Облаготельствованный совершенно незаслуженно Павлом, получивший от него графское достоинство, все высшие чины и ордена, назначенный генерал-губернатором столицы и охранителем безопасности своего государя, он пошел на службу английским планам, исключительно рассчитывая на то, что после смерти своего благодетеля он станет диктатором России. Заговор был организован и проведен графом Паленом с такой бессовестностью и вероломством, что, несмотря на все доказательства и его собственные признания в преступлении, трудно поверить, чтобы человек мог дойти до такой низости. Ежедневно соприкасаясь с государем, он систематически создавал вокруг него ложную атмосферу того, что Павел будто-бы сошел с ума и ведет страну к гибели. Пален искусно извращал и представлял все распоряжения императора Павла так, чтобы лишить их всякого смысла и логики.

Павлу он внушал недоверие и подозрение к Императрице и Великим Князьям, этим последним вби-

вал в голову, что им грозит печальная участь от руки безумного отца.

Стремясь обеспечить себе безнаказанность в деле царевубийства и получить влияние над цесаревичем Александром, он втянул его в заговор против отца, обманув при этом самым низким образом. Призвание Палена Ланжерону по этому поводу является верхом цинизма.

“Великий Князь, — повествует Пален. — не хотел и слышать о заговоре, пока я не дал ему моего честного слова, что никто не посягнет на жизнь его отца, хотя я знал заранее, что это невыполнимо.

Для успеха заговора я решил воспользоваться рыцарскими чувствами Павла, чтобы вызвать в Петербург нужных людей, высланных из столицы. Для этого я бросился к ногам императора с просьбой о их прощении. Мои расчеты оправдались: через два часа двадцать курьеров уже скакали, чтобы вернуть всех исключенных со службы”.

Будущие убийцы императора таким образом, благодаря Палену, не только были прощены великодушным Павлом, но и снова приняты на службу. Так, главные участники преступления, братья Зубовы, получили, ни к чему их не обязывавшую, службу шефами кадетских корпусов.

Окруженный недоброжелательством и изменой, сознающий, что его реформы и политика подняли против него все темное царство, император Павел знал, что его жизнь в опасности от рук людей, стремившихся вернуть Россию назад. Придворная лесть, интриги и двудушные мешали Павлу разобраться в том, кто был его друг и кто враг.

Пален сумел вызвать удаление от императора всех преданных ему людей, как Нелидова, Буксгевден, Аракчеев и Кутузов. Ближайший друг императора Павла, в доме которого он мог найти спасение в роковую ночь, как на грех, заболел оспой и тайный ход к нему был заделан*).

“Мы назначили исполнение наших планов на конец марта, — говорит Пален Ланжерону, — но непредвиденные обстоятельства ускорили срок”***). Обстоятельства эти отгадать нетрудно, они заключались в том, что Павел в конце февраля 1801 г. отдал распоряжение о подготовке войны с Англией и атаман Платов с 40 казачьими полками уже выступил к границам Индии. Когда об этом стало известно Уинсворту, г-жа Жеребцова, проживавшая в Берлине, дала знак к царевубийству, назначив для этого ночь на 11 марта. В тот же день граф Пален явился к наследнику престола и, как он сам говорит: “поставил перед ним альтернативу престола с одной стороны и тюрьму, с другой”. “Этим мне удалось пошатнуть сыновнюю преданность Александра”.

В тот же вечер Пален обманул, кроме наследника, и своих собственных сообщников, солгав им, будто он смещен с должности военного губернатора, заго-

*) Граф Н. П. Шереметев.

**) Гр. Ланжерон: «Кончина Имп. Павла», стр. 10-я.

вор открыт и им остается, во имя собственного спасения, решиться на немедленное цареубийство.

Вечером, 11 марта 1801 г., в доме Палена собрались непосредственные исполнители преступления в лице братьев Зубовых, Яшвиля Аргамасова и Татаринова, которых Пален и Бенигсен, сами ничего не пившие, напоили до пьяна. После переворота, сам Пален характеризовал их Ланжерону, как "пьяную сволочь".

Убийство императора Павла не принесло его исполнителям тех результатов, на которые они рассчитывали. Все барыши от этого темного дела взяла Англия и Уинсворт не скрывал своей радости по поводу успеха, порученного ему предприятия. По этому поводу он писал своему другу Воронцову: "Примите мои искренние поздравления. Чем больше я думаю об этом деле, тем более благодарю Бога". Бог, по его понятию, должен был быть всегда с Англией, даже при совершении преступления.

Зато надежды заговорщиков разлетелись прахом. Пален, рассчитывавший стать руководителем молодого императора, которого он "возвел на престол", был уволен летом того-же 1801 г. и выслан из СПб. Та же участь постигла и всех остальных заговорщиков: через год никого из них не было в столице.

Офицеры гвардии, верные присяге, по свидетельству Саблукова, отнеслись с негодованием и презрением к участникам цареубийства, что привело к многочисленным столкновениям и поединкам. Даже граф Панин, сам причастный к заговору, был возмущен убийством императора и писал Воронцову: "Если бы в момент цареубийства я был в СПб, то с опасностью для собственной жизни, воспротивился бы этому мерзкому делу, совершенному погрязшей в пороках разбойничьей бандой".

Подлинная, народная Россия, отнеслась к убийству царя с ужасом и отвращением. Солдаты, бывшие в карауле Михайловского замка, в роковую ночь плакали и хотели перебить на месте заговорщиков и только присутствие духа графа Палена спасло их от заслуженной участи.

Особенно любил Павла первый батальон Преображенского полка, чаще других видевший императора. В заговоре против Павла ни простой народ, ни солдаты не принимали никакого участия и единодушно его осуждали.

Когда утром, после убийства, новый император, в сопровождении Палена вышел на балкон дворца, к собравшим перед замком войскам и генерал Талызин крикнул: "Да здравствует император Александр", наступило зловещее молчание. Солдаты не хотели ни приветствовать Александра, ни принимать присягу. Особенно упорствовали Преображенцы, которые не верили, что Павел скончался и принесли присягу только после того, как их представителям было показано тело покойного императора.

Ланжерон говорит, что если бы Павел не был убит, а только лишен престола, то солдаты гвардии и народ непременно бы освободили его и снова воз-

вели на престол. Это, повидимому, хорошо знал и граф Пален.

На похоронах императора Павла, когда полки гвардии взяли на караул, штыки в руках солдат волновались от рыданий, как хлебное поле.

Вскоре после смерти Павла старообрядцы поднесли вдовствующей Императрице Марии Феодоровне икону, на которой была надпись из Второй книги Царств: "Хорошо ли было Симрию, задушившему своего господина". Это был немой протест верного царю народа против его убийц и в особенности графа Палена. Получив икону Императрица немедленно покинула Петербург, заявив сыну, что пока Пален не будет удален со службы, она не вернется в столицу.

Память об императоре Павле навсегда осталась жить в памяти русского народа. Старообрядцы всех толков считают императора Павла царем-мучеником, желавшим дать народу правду и закон, и за это убитым врагами веры и России.

Измена двум императорам и пролитая невинная кровь его благодетеля не прошли даром, главному виновнику цареубийства, графу Палену. К концу жизни призраки прошлого стали мучить его черную совесть. Ежегодно, в годовщину страшной ночи 11 марта, он напивался до потери сознания, чтобы отогнать от себя тяжелые воспоминания.

Анатолий Марков

ПРИЛОЖЕНИЕ.

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЕЮ, МЫ, ПАВЕЛЬ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣроподданнымъ Законъ Божій въ десятисловіи НАМЪ преподанный научаетъ НАСЪ седмый день посвящать ему; почему въ день настоящій торжествомъ вѣрцъ Христіанской прославленный, и въ который Мы удостоилися воспріять священное міра помазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ НАШЕМЪ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ НАШИМЪ предъ Творцомъ и всѣхъ благу подателемъ, подтвердить во всей Имперіи НАШЕЙ о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сѣльскихъ издѣльевъ остающіеся въ недѣле шесть дней по равному числу оныхъ въ обще раздѣляемыя, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ наудовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ. Данъ въ Москвѣ въ день Святыя Пасхи 5-е Апрѣля 1797 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако: ПАВЕЛЬ.

Печатать въ Москвѣ при Сенатѣ Апрѣля 5 дня, 1797 года.